

В Москве состоялась премьера фильма «Спитак»

В Москве прошла премьера фильма Александра Котта «Спитак» о землетрясении в Армении 1988 года. Премьера проходила в зале приемов здания епархиального комплекса Российской и Ново-Нахичеванской епархии ААЦ.

В своем слове Александр Котт отметил уникальный опыт единения российской и армянской групп, принимавших участие в производстве картины. По его словам, над фильмом работали по сто человек с российской и армянской стороны. Фильм «Спитак» рассказывает о первых трех днях после землетря-

сения 1988 года в Ленинакане. Фильм выдвинут на премию «Оскар» от Армении в номинации «Лучший фильм на иностранном языке».

Шер сбежала со спектакля о своих любовных похождениях

Американская певица Шер разволновалась во время предшоу бродвейского мюзикла о ее жизни, сообщает портал Page Six.

некоторые изменениями, которые создатели внесли в спектакль без ее одобрения», — отметил один из присутствовавших на показе. По словам близких к артистке источников, она была расстроена еще до начала спектакля из-за калифорнийских пожа-

ров, которые захватили ее город и грозили уничтожить особняк певицы. Другой источник подчеркнул, что Шер не ушла с показа совсем — ей захотелось побыть одной, поэтому она покинула свое место, но позже продолжила просматривать постановку с балкона. Мюзикл, получивший название «Шоу Шер», рассказывает о шести десятилетиях карьеры певицы и ее любовных похождениях. Премьера состоится 3 декабря.

«Занавес падает, аудитория визжит, звучит бит и дива появляется на сцене в сумасшедшем наряде, неповторимом образе», — так Washington Post описывает появление Шер (Шерлин Саркисян) в театре Park MGM в Лас Вегасе.

Этот последний ее концерт запомнился публике не только великолепным вокалом, золотым нарядом и ярко-оранжевой короной Шер, это было торжество красоты и успеха над возрастом, который певица и не скрывает. «Да, ей 72 и она открыто делится с публикой всеми важными этапами своей жизни, рассказывая о людях, которые сыграли в ней определяющую роль. Нам же хотелось бы особо отметить ее армянские корни, — пишет журналист Washington Post Ханк Стювер. — Из-за армянской наследственности Шер всегда была чуть темнее детей, с которыми росла. Она сама говорит, что именно происхождение научило ее понимать людей, быть к ним более терпимыми. Шер считает, что люди от смешанных браков всегда более толерантны и открыты к другим».

Картина Айвазовского продана за 609 тыс. фунтов

Самым дорогим лотом на торгах Christie's предметами русского искусства ожидаемо стала происходящая из частной испанской коллекции крайне редкая им-

ператорская фарфоровая ваза, украшенная портретом императора Австрии, короля Богемии и Венгрии Франца I.

Картина Ованнесса (Ивана) Айвазовского «Закат в Венеции», написанная в 1873 году, была продана за 609 тыс. фунтов. Как отмечают в аукционном доме, она «происходит из собрания Джона Клюге и

не появлялась на рынке искусства последние двадцать лет». Выручка от продажи направлена в пользу Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Чужие грехи и покладистые «дизайнеры»

Карэн МИКАЭЛЯН

В декабре пройдет очередной съезд Союза художников. Проще бы было сказать, что это обычный съезд. Но не совсем: много месяцев в художественной среде была напряженка: группа правдолюбцев из членов СХ выдвигала против своего председателя Карена АГАМЯНА нешуточные обвинения. Прокуратура много месяцев тщательно занималась этим делом и пришла к заключению: обвинения обосновательные. Дело закрыто. Предыдущий съезд прошел пять лет назад строго по уставу, по закону об общественных организациях. На сегодняшний день единственная проблема — зал, способный вместить 600 человек. Ищем. Вообще-то можно было провести съезд и раньше, но я пребывал в роли «подозреваемого» в различных «хищениях», — говорит Агамян. Обвинения расселись как дым, но нервов он истерпал немало и настроение было изрядно попорчено, ведь разоблачительных писем и доносов было немало. Свою лепту внесли и некоторые СМИ. Теперь все позади и можно перевести дух.

— Оппоненты говорили, что в 99-м без ведома коллектива вы продали Бюракский дом отдыха Союза.

— Действительно, продал на законных основаниях: по решению общего собрания. Вырученные средства пошли в основном на ремонт Домов творчества в Шорже на Севане и Цахкадзоре. Да что там Бюракан, когда вскоре после моего избрания выяснилось, что СХ лишился почти трех четвертей своего имущества.

— Какое именно? — Лишились 5 художественных салонов на улицах Туманяна, Налбандяна, Амиряна и двух на Маштоца. Мы потеряли почти завершенное здание Дома художника, вдвое больше нынешнего. В 97-м году была проведена многоходовая афера с худкомбинатом, которая всплыла после того, как я стал председателем Союза. Буду краток: СХ в итоге попал в долговую яму и по решению суда изкомбинат был отобран. У нас было даже стройуправление — и его не стало. И тоже по вине моих предшественников.

— Не от хорошей жизни. Союзу фатально не хватало средств. Оплата коммунальных услуг, зарплата сотрудников и т.д. Кстати, в июне я провел свою выставку и тоже платил: за 10 дней сто тысяч. Така установлена правлением. А что делать, если от государства мы не имеем ни драма? В Эстонии Фонд художников получает 2% от продаж алкогольной и табачной продукции. Весьма большая сумма. Во Франции подобный Фонд поддерживается строительным бизнесом. Наш же доход составляет средства от аренды нескольких помещений. В этом, кстати, меня тоже обвиняют. А могло бы быть совсем по-другому.

— Если бы что? — Если бы СХ не потерял свою недвижимость из-за неравномерных действий предыдущих коллег-руководителей. По самым приблизительным подсчетам, наш доход мог бы гипотетически составить более миллиона долларов. Я как-то встретился с председателем Союза художников Молдавии, поговорил о том, о сем. Так вот он сообщил, что их Союз сохранил все советское имущество и имеет доход до 60 тысяч долларов в месяц. Издают каталоги, приобретают работы своих художников, проводят выставки за рубежом и т.д.

— Ваши оппоненты, назовем их так, считают, что Союз не обеспечивает должный художественный уровень. Я не думаю, что они правы.

— Изобразительное искусство — искусство индивидуальное. Союз, понятно, обеспечить всеобщее высокое качество своих членов не может. Это ведь не симфонический оркестр. Говорят, нет регулярных обсуждений выставок, как когда-то. Имеется в виду советское вре-

мя. Но ведь и тогда были художники разного уровня. Так что уговорами и обсуждениями уровень не поднять. И еще: у большинства нет мотивации ежедневно работать и творчески рас- творяться. В нашей стране даже лучшие мастера имеют проблемы с реализацией своих произведений. Сделать серьезную работу — себе дороже.

— Несколько отклонился от главной темы. Вас как опытного дизайнера, преподавателя не беспокоит состояние городской среды, Еревана и других городов? Всего пространства. Ведь столько дизайнеров, а толку нет. Как так?

— К сожалению, это так. Я думаю, это системная проблема, достаточно характерная для нашего общества. Лучшие, наиболее интересные и талантливые дизайнеры никак не могли и не могут найти себе подобающее место. В отличие от тех, кто был шустрее и имел выгодные связи. Они быстро находили общий язык с заказчиком в большинстве случаев невысокого вкуса: владельцы объектов — магазинов, кафе, руководители городских и прочих общин диктовали условия игры, а покладистые «дизайнеры» молча кивали головой. Кроме этого не было и на деле нет какого-либо надзора. Что касается Еревана, то скажу одно: конечно, дизайн городов необходимо упорядочить и оздоровить. Надеемся, ситуация изменится, долго подобно терпеть нельзя.

— Начал на стр. 3

В 50-ые годы Нами приезжает в Москву, где в семье видного государственного деятеля Анастасия Миконова знакомится с его сыном Алексеем, «храбрым летчиком и увлеченным автогонщиком». В 1950 году они поженились.

Многие годы спустя Нами Микоян пишет книгу воспоминаний «Своими глазами». Через ретроспективы и воспоминания эта книга передает атмосферу прожитого автором времени, все обаяние ее человеческой души.

Детство, отрочество, юность, зрелость — «этапы большого пути» — изложены Нами Микоян в высшей степени доверительно. Мудрая, глубокая, написанная ясным изысканным языком, книга читается с одним дыханием. Это необычная исповедь, дающая ответы на многие вопросы.

Мемуары Нами Микоян, как и беседы с ней, на редкость визуальны, кинематографичны. Пристальное внимание к деталям, вещам, архитектурным, утвари, одежде, внешним характеристикам, которые отражают внутренний мир героев, пользуются кинематографическим языком, превращают в кадры говорящие, действенные. Если «жизнь — театр, а люди в нем — актеры», то мемуарная литература — своеобразное отражение самого жизненного театра — спектакля, действующие лица которого — реальные люди, о которых написано много и по-разному. И здесь речь может идти о трактовке и мастерстве автора. Именно ее человеческие качества определяют трак-

товку событий и характеров людей, а атмосфера происходящего, аура времени, выпуклость и сочность образов достигают мастерства.

И еще одна деталь. Зачастую мемуарная литература грешит тем, что автор, пребывая в воспоминаниях, а не в воспоминании в себе. В книге Нами Микоян все с точностью до наоборот. Она одна из... И в галерее характеров-образов она абсолютно равноправна и органична.

Читая книгу Нами Микоян, проходя с ней все круги бытия, испытываешь своеобразный катарсис. Воспоминания откровенны, жестки, вместе с тем лиричны. Все здесь переплетено, как в жизни... «Своими глазами» — книга многослойная. И чем глубже погружаешься в эти самые слои, тем больше понимаешь всю сложность и неоднозначность человеческой биографии. Вера, сила духа, воля помогают выстоять в сложных жизненных перипетиях, делая человека сильнее, мудрее, знанимее.

«Я видела... Сталина, Берию, Хрущева, Андропова, Горбачева, Шостаковича, Свиридова, Ростроповича, Рихтера, Хачатуряна, Когана, Параджанова...» — читаем мы на обложке книги. А потом погружаемся в воспоминания о родных и близких ей людях, с которыми она общалась, рядом с которыми жила, которых видела такими, какими их никто не видел.

«Цвет, музыка, которая иногда звучит во мне, и еще то, что я называю эмоциональной теплотой, наполняют воспоминания. Выглядят они просто буквами и словами, но я ощущаю и цвет, и тепло, атмосферу, в которой эти воспоминания оживают, становятся объективными и в разной степе-

ни дорогими, близкими».

В этих словах, написанных Нами Микоян, — смысл и обаяние ее книги. Эмоциональная теплота своеобразным лейтмотивом проходит через все повествование. Благодаря именно ей, погружаясь в текст, начинаешь понимать, что автор становится близким и родным тебе человеком. А обаяние, эмоциональность повествования превращают хронику, документ в подлинно художественное литературное полотно. И во всем она, Нами Микоян.

Примечательно то, что книга посвящена сыну Стасу и дочери Нине. Сын Нами Микоян Стас Нами — одна из самых ярких фигур в культуре нашего времени. С его именем связано создание в 70-е годы ансамбля «Цветы», «Группа Стаса Намина». На песнях Намина выросло не одно поколение молодежи. Они и сегодня звучат современно. В его творческом активе — «Центр Стаса Намина», «Московский театр музыки и драмы», организация международных фестивалей и форумов, профессиональное увлечение фотографией. Дочь Нина — добрый и отзывчивый человек, директор и вдохновитель коррекционной школы. Прекрасный организатор, увлеченный любимым делом, отдающий себя этому делу целиком.

Хочется вспомнить эпизод, очень точно характеризующий Нами Микоян, связаный с последним периодом жизни Григория Арутюняна.

«...Попав в опалу, незадолго до отстранения от работы в расцвете сил, он постепенно угасал. Она как могла противостояла этой несправедливости, делала все, чтобы его энергия, работоспособность были востребованы. И когда, казалось бы, появился просвет, его не стало... Перед Нами Микоян стояла дилемма: послушать свекра и поступить так, как ей не было свойственно, или настоять на своем, не идти на компромисс и поехать на похороны «непопулярного» Григория Арутюняна. Она выбрала второе. Хрупкая, мягкая, но вместе с тем мужественная, твердая — она, конечно же, не могла поступить иначе.

...1956 год. Ереван. Комната, наполненная осенним светом. В хрустальной вазе на столе персики и виноград — этаким сарьяновский натюрморт. В дверях мама — такая молодая, красивая, в строгом черном платье, говорит, обращаясь к папе: «Юра (кинорежиссер Юрий Еранкян), Нами приехала. Я встретила ее с Эммой и Арно».

Из того далекого дня детства запомнилось мне терпкий вкус винограда, переливающегося на солнце персики в кальеках воды и имя Нами, произнесенное мамой с какой-то особой теплотой и любовью. Могла ли я в тот осенний день подумать, что спустя многие годы, уже в зрелом возрасте, судьба подарит мне встречу с Нами Микоян, общение с ней, приобщение к ее удивительному миру.

Анета ЕРЗИНКЯН

Начало на стр. 3

В 50-ые годы Нами приезжает в Москву, где в семье видного государственного деятеля Анастасия Миконова знакомится с его сыном Алексеем, «храбрым летчиком и увлеченным автогонщиком». В 1950 году они поженились.

Многие годы спустя Нами Микоян пишет книгу воспоминаний «Своими глазами». Через ретроспективы и воспоминания эта книга передает атмосферу прожитого автором времени, все обаяние ее человеческой души.

Детство, отрочество, юность, зрелость — «этапы большого пути» — изложены Нами Микоян в высшей степени доверительно. Мудрая, глубокая, написанная ясным изысканным языком, книга читается с одним дыханием. Это необычная исповедь, дающая ответы на многие вопросы.

Мемуары Нами Микоян, как и беседы с ней, на редкость визуальны, кинематографичны. Пристальное внимание к деталям, вещам, архитектурным, утвари, одежде, внешним характеристикам, которые отражают внутренний мир героев, пользуются кинематографическим языком, превращают в кадры говорящие, действенные. Если «жизнь — театр, а люди в нем — актеры», то мемуарная литература — своеобразное отражение самого жизненного театра — спектакля, действующие лица которого — реальные люди, о которых написано много и по-разному. И здесь речь может идти о трактовке и мастерстве автора. Именно ее человеческие качества определяют трак-

товку событий и характеров людей, а атмосфера происходящего, аура времени, выпуклость и сочность образов достигают мастерства.

И еще одна деталь. Зачастую мемуарная литература грешит тем, что автор, пребывая в воспоминаниях, а не в воспоминании в себе. В книге Нами Микоян все с точностью до наоборот. Она одна из... И в галерее характеров-образов она абсолютно равноправна и органична.

Читая книгу Нами Микоян, проходя с ней все круги бытия, испытываешь своеобразный катарсис. Воспоминания откровенны, жестки, вместе с тем лиричны. Все здесь переплетено, как в жизни... «Своими глазами» — книга многослойная. И чем глубже погружаешься в эти самые слои, тем больше понимаешь всю сложность и неоднозначность человеческой биографии. Вера, сила духа, воля помогают выстоять в сложных жизненных перипетиях, делая человека сильнее, мудрее, знанимее.

«Я видела... Сталина, Берию, Хрущева, Андропова, Горбачева, Шостаковича, Свиридова, Ростроповича, Рихтера, Хачатуряна, Когана, Параджанова...» — читаем мы на обложке книги. А потом погружаемся в воспоминания о родных и близких ей людях, с которыми она общалась, рядом с которыми жила, которых видела такими, какими их никто не видел.

«Цвет, музыка, которая иногда звучит во мне, и еще то, что я называю эмоциональной теплотой, наполняют воспоминания. Выглядят они просто буквами и словами, но я ощущаю и цвет, и тепло, атмосферу, в которой эти воспоминания оживают, становятся объективными и в разной степе-

ни дорогими, близкими».

В этих словах, написанных Нами Микоян, — смысл и обаяние ее книги. Эмоциональная теплота своеобразным лейтмотивом проходит через все повествование. Благодаря именно ей, погружаясь в текст, начинаешь понимать, что автор становится близким и родным тебе человеком. А обаяние, эмоциональность повествования превращают хронику, документ в подлинно художественное литературное полотно. И во всем она, Нами Микоян.

Примечательно то, что книга посвящена сыну Стасу и дочери Нине. Сын Нами Микоян Стас Нами — одна из самых ярких фигур в культуре нашего времени. С его именем связано создание в 70-е годы ансамбля «Цветы», «Группа Стаса Намина». На песнях Намина выросло не одно поколение молодежи. Они и сегодня звучат современно. В его творческом активе — «Центр Стаса Намина», «Московский театр музыки и драмы», организация международных фестивалей и форумов, профессиональное увлечение фотографией. Дочь Нина — добрый и отзывчивый человек, директор и вдохновитель коррекционной школы. Прекрасный организатор, увлеченный любимым делом, отдающий себя этому делу целиком.

Хочется вспомнить эпизод, очень точно характеризующий Нами Микоян, связаный с последним периодом жизни Григория Арутюняна.

«...Попав в опалу, незадолго до отстранения от работы в расцвете сил, он постепенно угасал. Она как могла противостояла этой несправедливости, делала все, чтобы его энергия, работоспособность были востребованы. И когда, казалось бы, появился просвет, его не стало... Перед Нами Микоян стояла дилемма: послушать свекра и поступить так, как ей не было свойственно, или настоять на своем, не идти на компромисс и поехать на похороны «непопулярного» Григория Арутюняна. Она выбрала второе. Хрупкая, мягкая, но вместе с тем мужественная, твердая — она, конечно же, не могла поступить иначе.

...1956 год. Ереван. Комната, наполненная осенним светом. В хрустальной вазе на столе персики и виноград — этаким сарьяновский натюрморт. В дверях мама — такая молодая, красивая, в строгом черном платье, говорит, обращаясь к папе: «Юра (кинорежиссер Юрий Еранкян), Нами приехала. Я встретила ее с Эммой и Арно».

Из того далекого дня детства запомнилось мне терпкий вкус винограда, переливающегося на солнце персики в кальеках воды и имя Нами, произнесенное мамой с какой-то особой теплотой и любовью. Могла ли я в тот осенний день подумать, что спустя многие годы, уже в зрелом возрасте, судьба подарит мне встречу с Нами Микоян, общение с ней, приобщение к ее удивительному миру.

Анета ЕРЗИНКЯН

Начало на стр. 3

В 50-ые годы Нами приезжает в Москву, где в семье видного государственного деятеля Анастасия Миконова знакомится с его сыном Алексеем, «храбрым летчиком и увлеченным автогонщиком». В 1950 году они поженились.

Многие годы спустя Нами Микоян пишет книгу воспоминаний «Своими глазами». Через ретроспективы и воспоминания эта книга передает атмосферу прожитого автором времени, все обаяние ее человеческой души.

Детство, отрочество, юность, зрелость — «этапы большого пути» — изложены Нами Микоян в высшей степени доверительно. Мудрая, глубокая, написанная ясным изысканным языком, книга читается с одним дыханием. Это необычная исповедь, дающая ответы на многие вопросы.

Мемуары Нами Микоян, как и беседы с ней, на редкость визуальны, кинематографичны. Пристальное внимание к деталям, вещам, архитектурным, утвари, одежде, внешним характеристикам, которые отражают внутренний мир героев, пользуются кинематографическим языком, превращают в кадры говорящие, действенные. Если «жизнь — театр, а люди в нем — актеры», то мемуарная литература — своеобразное отражение самого жизненного театра — спектакля, действующие лица которого — реальные люди, о которых написано много и по-разному. И здесь речь может идти о трактовке и мастерстве автора. Именно ее человеческие качества определяют трак-

товку событий и характеров людей, а атмосфера происходящего, аура времени, выпуклость и сочность образов достигают мастерства.

И еще одна деталь. Зачастую мемуарная литература грешит тем, что автор, пребывая в воспоминаниях, а не в воспоминании в себе. В книге Нами Микоян все с точностью до наоборот. Она одна из... И в галерее характеров-образов она абсолютно равноправна и органична.

Читая книгу Нами Микоян, проходя с ней все круги бытия, испытываешь своеобразный катарсис. Воспоминания откровенны, жестки, вместе с тем лиричны. Все здесь переплетено, как в жизни... «Своими глазами» — книга многослойная. И чем глубже погружаешься в эти самые слои, тем больше понимаешь всю сложность и неоднозначность человеческой биографии. Вера, сила духа, воля помогают выстоять в сложных жизненных перипетиях, делая человека сильнее, мудрее, знанимее.

«Я видела... Сталина, Берию, Хрущева, Андропова, Горбачева, Шостаковича, Свиридова, Ростроповича, Рихтера, Хачатуряна, Когана, Параджанова...» — читаем мы на обложке книги. А потом погружаемся в воспоминания о родных и близких ей людях, с которыми она общалась, рядом с которыми жила, которых видела такими, какими их никто не видел.

«Цвет, музыка, которая иногда звучит во мне, и еще то, что я называю эмоциональной теплотой, наполняют воспоминания. Выглядят они просто буквами и словами, но я ощущаю и цвет, и тепло, атмосферу, в которой эти воспоминания оживают, становятся объективными и в разной степе-

ни дорогими, близкими».

В этих словах, написанных Нами Микоян, — смысл и обаяние ее книги. Эмоциональная теплота своеобразным лейтмотивом проходит через все повествование. Благодаря именно ей, погружаясь в текст, начинаешь понимать, что автор становится близким и родным тебе человеком. А обаяние, эмоциональность повествования превращают хронику, документ в подлинно художественное литературное полотно. И во всем она, Нами Микоян.

Примечательно то, что книга посвящена сыну Стасу и дочери Нине. Сын Нами Микоян Стас Нами — одна из самых ярких фигур в культуре нашего времени. С его именем связано создание в 70-е годы ансамбля «Цветы», «Группа Стаса Намина». На песнях Намина выросло не одно поколение молодежи. Они и сегодня звучат современно. В его творческом активе — «Центр Стаса Намина», «Московский театр музыки и драмы», организация международных фестивалей и форумов, профессиональное увлечение фотографией. Дочь Нина — добрый и отзывчивый человек, директор и вдохновитель коррекционной школы. Прекрасный организатор, увлеченный любимым делом, отдающий себя этому делу целиком.

Хочется вспомнить эпизод, очень точно характеризующий Нами Микоян, связаный с последним периодом жизни Григория Арутюняна.

«...Попав в опалу, незадолго до отстранения от работы в расцвете сил, он постепенно угасал. Она как могла противостояла этой несправедливости, делала все, чтобы его энергия, работоспособность были востребованы. И когда, казалось бы, появился просвет, его не стало... Перед Нами Микоян стояла дилемма: послушать свекра и поступить так, как ей не было свойственно, или настоять на своем, не идти на компромисс и поехать на похороны «непопулярного» Григория Арутюняна. Она выбрала второе. Хрупкая, мягкая, но вместе с тем мужественная, твердая — она, конечно же, не могла поступить иначе.

...1956 год. Ереван. Комната, наполненная осенним светом. В хрустальной вазе на столе персики и виноград — этаким сарьяновский натюрморт. В дверях мама — такая молодая, красивая, в строгом черном платье, говорит, обращаясь к папе: «Юра (кинорежиссер Юрий Еранкян), Нами приехала. Я встретила ее с Эммой и Арно».

Из того далекого дня детства запомнилось мне терпкий вкус винограда, переливающегося на солнце персики в кальеках воды и имя Нами, произнесенное мамой с какой-то особой теплотой и любовью. Могла ли я в тот осенний день подумать, что спустя многие годы, уже в зрелом возрасте, судьба подарит мне встречу с Нами Микоян, общение с ней, приобщение к ее удивительному миру.

Анета ЕРЗИНКЯН

Начало на стр. 3

В 50-ые годы Нами приезжает в Москву, где в семье видного государственного деятеля Анастасия Миконова знакомится с его сыном Алексеем, «храбрым летчиком и увлеченным автогонщиком». В 1950 году они поженились.

Многие годы спустя Нами Микоян пишет книгу воспоминаний «Своими глазами». Через ретроспективы и воспоминания эта книга передает атмосферу прожитого автором времени, все обаяние ее человеческой души.

Детство, отрочество, юность, зрелость — «этапы большого пути» — изложены Нами Микоян в высшей степени доверительно. Мудрая, глубокая, написанная ясным изысканным языком, книга читается с одним дыханием. Это необычная исповедь, дающая ответы на многие вопросы.

Мемуары Нами Микоян, как и беседы с ней, на редкость визуальны, кинематографичны. Пристальное внимание к деталям, вещам, архитектурным, утвари, одежде, внешним характеристикам, которые отражают внутренний мир героев, пользуются кинематографическим языком, превращают в кадры говорящие, действенные. Если «жизнь — театр, а люди в нем — актеры», то мемуарная литература — своеобразное отражение самого жизненного театра — спектакля, действующие лица которого — реальные люди, о которых написано много и по-разному. И здесь речь может идти о трактовке и мастерстве автора. Именно ее человеческие качества определяют трак-

товку событий и характеров людей, а атмосфера происходящего, аура времени, выпуклость и сочность образов достигают мастерства.

И еще одна деталь. Зачастую мемуарная литература грешит тем, что автор, пребывая в воспоминаниях, а не в воспоминании в себе. В книге Нами Микоян все с точностью до наоборот. Она одна из... И в галерее характеров-образов она абсолютно равноправна и органична.

Читая книгу Нами Микоян, проходя с ней все круги бытия, испытываешь своеобразный катарсис. Воспоминания откровенны, жестки, вместе с тем лиричны. Все здесь переплетено, как в жизни... «Своими глазами» — книга многослойная. И чем глубже погружаешься в эти самые слои, тем больше понимаешь всю сложность и неоднозначность человеческой биографии. Вера, сила духа, воля помогают выстоять в сложных жизненных перипетиях, делая человека сильнее, мудрее, знанимее.

«Я видела... Сталина, Берию, Хрущева, Андропова, Горбачева, Шостаковича, Свиридова, Ростроповича, Рихтера, Хачатуряна, Когана, Параджанова...» — читаем мы на обложке книги. А потом погружаемся в воспоминания о родных и близких ей людях, с которыми она общалась, рядом с которыми жила, которых видела такими, какими их никто не видел.

«Цвет, музыка, которая иногда звучит во мне, и еще то, что я называю эмоциональной теплотой, наполняют воспоминания. Выглядят они просто буквами и словами, но я ощущаю и цвет, и тепло, атмосферу, в которой эти воспоминания оживают, становятся объективными и в разной степе-

ни дорогими, близкими».

В этих словах, написанных Нами Микоян, — смысл и обаяние ее книги. Эмоциональная теплота своеобразным лейтмотивом проходит через все повествование. Благодаря именно ей, погружаясь в текст, начинаешь понимать, что автор становится близким и родным тебе человеком. А обаяние, эмоциональность повествования превращают хронику, документ в подлинно художественное литературное полотно. И во всем она, Нами Микоян.

Примечательно то, что книга посвящена сыну Стасу и дочери Нине. Сын Нами Микоян Стас Нами — одна из самых ярких фигур в культуре нашего времени. С его именем связано создание в 70-е годы ансамбля «Цветы», «Группа Стаса Намина». На песнях Намина выросло не одно поколение молодежи. Они и сегодня звучат современно. В его творческом активе — «Центр Стаса Намина», «Московский театр музыки и драмы», организация международных фестивалей и форумов, профессиональное увлечение фотографией. Дочь Нина — добрый и отзывчивый человек, директор и вдохновитель коррекционной школы. Прекрасный организатор, увлеченный любимым делом, отдающий себя этому делу целиком.

Хочется вспомнить эпизод, очень точно характеризующий Нами Микоян, связаный с последним периодом жизни Григория Арутюняна.

«...Попав в опалу, незадолго до отстранения от работы в расцвете сил, он постепенно угасал. Она как могла противостояла этой несправедливости, делала все, чтобы его энергия, работоспособность были востребованы. И когда, казалось бы, появился просвет, его не стало... Перед Нами Микоян стояла дилемма: послушать свекра и поступить так, как ей не было свойственно, или настоять на своем, не идти на компромисс и поехать на похороны «непопулярного» Григория Арутюняна. Она выбрала второе. Хрупкая, мягкая, но вместе с тем мужественная, твердая — она, конечно же, не могла поступить иначе.

...1956 год. Ереван. Комната, наполненная осенним светом. В хрустальной вазе на столе персики и виноград — этаким сарьяновский натюрморт. В дверях мама — такая молодая, красивая, в строгом черном платье, говорит, обращаясь к папе: «Юра (кинорежиссер Юрий Еранкян), Нами приехала. Я встретила ее с Эммой и Арно».

Из того далекого дня детства запомнилось мне терпкий вкус винограда, переливающегося на солнце персики в кальеках воды и имя Нами, произнесенное мамой с какой-то особой теплотой и любовью. Могла ли я в тот осенний день подумать, что спустя многие годы, уже в зрелом возрасте, судьба подарит мне встречу с Нами Микоян, общение с ней, приобщение к ее удивительному миру.

Анета ЕРЗИНКЯН

Начало на стр. 3

В 50-ые годы Нами приезжает в Москву, где в семье видного государственного деятеля Анастасия Миконова знакомится с его сыном Алексеем, «храбрым летчиком и увлеченным автогонщиком». В 1950 году они поженились.

Многие годы спустя Нами Микоян пишет книгу воспоминаний «Своими глазами». Через ретроспективы и воспоминания эта книга передает атмосферу прожитого автором времени, все обаяние ее человеческой души.

Детство, отрочество, юность, зрелость — «этапы большого пути» — изложены Нами Микоян в высшей степени доверительно. Мудрая, глубокая, написанная ясным изысканным языком, книга читается с одним дыханием. Это необычная исповедь, дающая ответы на многие вопросы.

Мемуары Нами Микоян, как и беседы с ней, на редкость визуальны, кинематографичны. Пристальное внимание к деталям, вещам, архитектурным, утвари, одежде, внешним характеристикам, которые отражают внутренний мир героев, пользуются кинематографическим языком, превращают в кадры говорящие, действенные. Если «жизнь — театр, а люди в нем — актеры», то мемуарная литература — своеобразное отражение самого жизненного театра — спектакля, действующие лица которого — реальные люди, о которых написано много и по-разному. И здесь речь может идти о трактовке и мастерстве автора. Именно ее человеческие качества определяют трак-

товку событий и характеров людей, а атмосфера происходящего, аура времени, выпуклость и сочность образов достигают мастерства.

И еще одна